

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-116.6, 81'362
DOI 10.17223/18137083/57/12

П. С. Дронов

Институт языкознания РАН, Москва

Спор Дэниела Эверетта с генеративистами: насколько несовместимы их точки зрения? *

Рассматривается полемика Д. Эверетта, специалиста по языку пираха (пирахан), с генеративистами по поводу универсальности таких языковых явлений, как рекурсия, а также по поводу культурных ограничений в грамматике. Помимо истории вопроса, автор анализирует аргументы самого Эверетта, его оппонентов и современных исследователей языка пираха. Кроме того, позиция Эверетта, выраженная в статьях и книгах, сопоставляется с точкой зрения этнолингвистов и представителей лингвокультурологического направления во фразеологии. Проводятся параллели в грамматике, семантике между пираха и другими языками. Автор приходит к следующему выводу: между точкой зрения генеративистов и мнением Эверетта о языке как инструменте культуры нет фундаментальных противоречий, поскольку при наличии определенного сходства у различных человеческих обществ известное сходство может быть и у их, сколь угодно далеких, культур, а значит, какие-то общие черты можно найти и в языках. Статья представляет собой расширенный вариант послесловия к русскому переводу книги Д. Эверетта «Не спи – кругом змеи» (М.: Изд. дом «ЯСК», 2016).

Ключевые слова: генеративная лингвистика, Дэниел Эверетт и исследования пираха, этнолингвистика, лингвокультурология, лексическая семантика, фразеология.

В своих академических и научно-популярных работах Дэниел Эверетт, заведующий кафедрой лингвистики Университета штата Иллинойс, постоянно поднимает вопрос связи языка и культуры (см. [Everett, 2009, 2012; Эверетт, 2016]).

Сам Эверетт признает, что до своего знакомства с пираха, или пирахан (единственным оставшимся языком из семьи мура, на котором говорит около 300 человек по берегам реки Маиси в бассейне Амазонки), был, скорее, сторонником идей Ноама Хомского и его последователей-генеративистов (Рэя Джекендоффа, У. Те-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 15-34-01215а2.

Дронов Павел Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия; nord.dronov@gmail.com)

кумсе Фитча и др.). Как известно, одним из постулатов генеративной грамматики является наличие двух структур, определяющих язык, – поверхностной (грамматики отдельных языков) и глубинной (базовый компонент, общий для всех языков). Ядром базового компонента является рекурсивный механизм: *These structures are generated by a recursive procedure that mediates the mapping between speech- or sign-based forms and meanings, including semantics of words and sentences and how they are situated and interpreted in discourse* ('Эти структуры порождаются при помощи рекурсивной процедуры, которая служит опосредующим звеном в установлении соответствий между речевыми формами или формами, соотношенными со знаковыми образованиями, и значениями, включающими в себя семантику слов и предложений, а также определяет, как они должны быть расположены и интерпретированы в дискурсе'¹) [Hauser et al., 2014, p. 2]. Рекурсия при этом объявляется единственным уникальным свойством человеческого языка, поэтому говорится о языке в узком смысле (рекурсивный механизм) и языке в широком смысле (прочие аспекты языка).

Переводя на язык пираха Библию и изучая его грамматику, Эверетт, с одной стороны, отказался от генеративистской точки зрения на язык, а с другой – пришел к выводу о существовании культурных ограничений на язык. Причиной этому стали особенности языка пираха, и прежде всего, отсутствие – по крайней мере, по мнению самого автора² – рекурсии. Цель этой статьи – рассказать подробнее о связи языка и культуры, а также рассмотреть некоторые из особенностей языка пираха, привлечших внимание Эверетта, на предмет соответствий в других языках.

Об истории вопроса

Идея о связи языка и культуры³ имеет давнюю историю: еще в XVIII в. И. Г. Гердер писал о взаимосвязи четырех фундаментальных явлений, характерных для человека, – языка, культуры, общества и «национального духа» [Гердер, 1977]. В. фон Гумбольдт утверждал, что мышление зависит от конкретного языка [Humboldt, 1905, Bd 4, S. 2]. Позднее связью языка и культуры, их взаимовлиянием занимались братья Гримм, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Г. О. Винокур, которому принадлежат слова: «Язык есть условие и продукт человеческой культуры» [Винокур, 1959, с. 216]⁴. В XX в. эти вопросы продолжали исследовать неогумбольдтианцы (Л. Вайсгербер, Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен и др.), этнолингвисты (прежде всего, Э. и Б. Л. Уорф), представители лингвокультурологических направлений (например, школа В. Н. Телия во фразеологии). На основе идей гумбольдтианства и этнолингвистики появилось понятие языковой картины мира (Л. Вайсгербер, Ю. Д. Апресян, Анна Вежбицка и др.). В трактовке Ю. Д. Апресяна языковая картина мира может быть определена следующим образом: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую

¹ Здесь и далее перевод источников наш. – П. Д.

² Во всяком случае, одна из основных идей лингвистов, полемизирующих с Эвереттом с позиций генеративной грамматики, заключается в том, что на самом деле в языке пираха рекурсия есть, ср. [Nevins et al., 2009].

³ В данной статье культура понимается в сепировском смысле, т. е. как социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни сообщества или этноса. Вспомним остроумное замечание Эверетта о том, что лингвисты преимущественно говорят друг с другом о лингвистике и лингвистах, а философы – о философии, других философах и вине.

⁴ Ср. также триаду Клода Леви-Строса: «Язык – часть культуры, ее продукт и ее основание» (цит. по [Хроленко, 2009, разд. I]).

единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является “наивной” в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т. д.»⁵.

Наиболее очевидна связь культуры народа с его лексикой и фразеологией: так, из-за того что в доколумбовой Америке не было лошадей, после знакомства с этими животными (т. е. после появления такой реалии и такого явления в культуре) коренные народы или позаимствовали обозначение из языков колонизаторов (например, в современном наутатль – потомке языка ацтеков – лошадь называется *cahuayoh* от исп. *caballo*), или создали на основе уже существующих слов (ср. лакота *sunka wakan*, букв.: «собака священная»). Это типичный пример того, как культура оказывает влияние на язык⁶ (к этому утверждению мы вернемся позже).

Тема национально-культурной специфики является традиционной для фразеологических исследований; в качестве иллюстрации этого часто приводится высказывание А. М. Бабкина о том, что идиоматика есть «святая святых» национального языка, в котором неповторимым образом «манифестируется дух и своеобразие нации» [Добровольский, 1997, с. 37].

Это связано с тем, что значительная часть идиом не имеет прямых эквивалентов в других языках. В. Н. Телия отмечает, что, поскольку характерная для идиом образная мотивированность непосредственно связана с мировидением народа – носителя языка, идиомы обладают национально-культурной коннотацией [Телия, 1996, с. 257]. При этом выделяются такие пласты культуры, как архетипические (например, противопоставления своего и чужого, верха и низа, далекого и близкого, ср. *свой парень, пойти в гору, на носу, не за горами*), мифологические (включая элементы анимизма и фетишизма, с которыми связано придание особого значения частям тела⁷, ср. немецкую идиому *die Gelegenheit beim Schopf packen* ‘схватить удобный случай за чуб’, восходящую к греческой мифологии и образу бога Кайроса; сюда также можно отнести ритуалы, мифы, религиозные слои культуры), фольклор, художественно-литературные тексты (ср. рус. *дым отечества, свежо предание*, англ. *to be or not to be* ‘быть или не быть’, *fool’s paradise* ‘бла-

---

⁵ Цит. по: Зализняк А. А. Языковая картина мира // Кругосвет: Онлайн-энцикл. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/41681>

⁶ Подробнее об этом см.: [Сепир, 1993, с. 242].

⁷ В этой связи можно и нужно вспомнить пример, приводимый Эвереттом: в языке пираха нет понятий «правый» и «левый» (что было бы понятно с точки зрения телесного кода культуры по В. Н. Телия или телесно обусловленного мышления / воплощенного познания – *embodied cognition* – в когнитивистике), а для определения своего места в пространстве говорящие используют наземные ориентиры (вернее, всего один ориентир – реку Маиси). По-видимому, это явление культурно обусловлено: постоянная жизнь на берегу и способ ведения хозяйства (рыболовство и охота) выводят на передний план пространственный код культуры (использование ориентиров). Надо отметить, что в некоторых языках может происходить совмещение пространственного и телесного: так, в ирландском *soir* ‘вперед’ также означает ‘на восток’, а *síar* ‘назад’ – ‘на запад’.

женное неведение, самообман», букв.: «рай дурака»), содержащие аллюзии на прецедентные тексты, публицистические тексты и другие средства массовой культуры [Ковшова, 2014, с. 14].

По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, отсутствие прямых эквивалентов у идиом связано, скорее, с несовпадением техники номинации. В результате можно обнаружить расхождения во внутренней форме при близости актуального значения (нем. *das kannst du vergessen* ‘выражение скепсиса говорящего относительно позитивных ожиданий, выраженных собеседником в предыдущей реплике’, букв.: «об этом можешь забыть», и рус. *дохлый номер, свежо предание*)⁸, равно как и расхождения в актуальном значении при близости внутренней формы (ср. рус. [*жить*] *как у Христа за пазухой* ‘жить спокойно, умиротворенно’ и серб., хорват. [*žiti*] *Bogu za leđima / iza leđa* ‘быть всеми забытым’, букв.: «у Бога за спиной»; рус. *пустить пыль в глаза кому-л.* ‘с помощью эффектных поступков пытаться представить кому-л. себя и свое положение лучше, чем на самом деле’ и англ. *to throw dust into sb’s eyes* ‘отвлекать внимание кого-л. от того, чего он, по мнению субъекта, не должен видеть или знать’⁹). Даже когда один предмет или явление уподобляются другому одинаково в разных языках (например, властная женщина уподобляется мужчине), могут использоваться совершенно различные метафоры, ср. рус. *мужик в юбке* и нем. *sie hat die Hosen an*, букв.: «она носит штаны».

Менее очевидна культурная обусловленность на уровне синтаксиса; в частности, Э. Сепир указывал на то, что сходство культур может быть и у народов с типологически и даже генетически несходными между собой языками [Сепир 1993, с. 242] (например, за счет постоянных контактов обнаруживается известное сходство культур словаков [славянский язык флективного строя] и венгров [финно-угорский язык агглютинирующего строя]). В то же время Д. Эверетт постулирует наличие ограничений на грамматику и когницию [Everett, 2005]. В «Не спи – кругом змеи!» (*Don’t Sleep There Are Snakes*) [Эверетт, 2016] он полусхематично отмечает, что современная культура влияет на грамматику и его родного языка: когда половая принадлежность лица, о котором идет речь, неизвестна, говорящие из соображений политкорректности стараются использовать не гендерно-маркированное *he* ‘он’, а нейтральное *they* ‘они’ (с согласованием по модели множественного числа там, где до этого использовалось единственное, например: *If a person is ill, they are supposed to consult a doctor* ‘если человек болен, ему следует обратиться к врачу’).

При этом никогда не стоит забывать, что национально-культурная специфика в языке существует параллельно с языковыми универсалиями – с тем общим, что есть в каждом языке. Ниже мы рассмотрим особенности лексики и грамматики языка пираха с точки зрения культурной специфики, а также укажем на черты, объединяющие пираха с другими языками.

---

⁸ Фразеологизму одного языка в другом языке может соответствовать композит с близкой внутренней формой, который при этом может иметь иное актуальное значение, ср. рус. *морская капуста* ‘водоросль ламинария’ и бретон. диал. *morgaol* ‘медуза’ (*mor* ‘море’ + *kaol* ‘капуста’).

⁹ А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский замечают: «Из данного различия нельзя сделать вывод, что в русской и англосаксонской культурах бытует различное отношение к пыли или к глазам. Просто в английской идиоме идея препятствия визуальному восприятию порождает смысл ‘отвлечение внимания’, а в русской – смысл ‘маскировка, сокрытие правды’. Такое развитие значений никак не является культурно значимым фактором. Скорее, речь идет о случайном выборе языком того или иного следствия из метафоры» [Баранов, Добровольский, 2013, с. 223].

Числительные в пираха¹⁰

В ранних работах о пираха (например, [Everett, 1986]) Эверетт выделял три количественных числительных: *hói* 'один', *hoí* 'два' и *baágiso* 'три и более'¹¹. Позднее он пришел к выводу о том, что числительных в этом языке нет. Для проверки этого утверждения Эверетт (в соавторстве с М. С. Фрэнком, Э. Федоренко и Э. Гибсоном [Frank et al., 2008]) провел эксперимент. Сначала перед четырьмя носителями пираха раскладывали на столе от одной до десяти батареек. Когда на столе была одна батарейка, на вопрос: «Сколько на столе предметов?» – индейцы уверенно отвечали: *Hói*. Две батарейки были обозначены словом *hoí*; при добавлении батареек они говорили или *hoí*, или *baágiso*. После этого эксперимент повторили в обратном порядке, разложив на столе десять батареек и убирая их по одной. Когда батареек осталось шесть, один из участников обозначил их число словом *hói* (т. е., как предполагалось ранее, «один»), а когда батареек осталось три, это слово употребили все четверо. Авторы пришли к выводу, что *hói* и *hoí* означают не абсолютные величины, а нечто относительное или познаваемое в сравнении: 'мало', 'еще меньше', 'еще больше'. Авторы все же пришли к выводу о том, что индейцы пираха имеют представление о единице.

Такая система псевдочислительных (скорее, количественных слов), разумеется, является нестандартной. Эверетт объясняет этот ограниченный инвентарь культурными особенностями (образом жизни охотников-собираателей) и «принципом непосредственности восприятия» (ограничением на генерализацию вне того, что происходит «здесь» и «сейчас»). С другой стороны, в Южной Америке встречаются похожие системы исчисления: так, в языке каинганг (*kaingáng, kanhgág*; язык из той же семьи, распространенный в Бразилии и Аргентине) числительное *pír* 'один' имеет также значение 'небольшое количество'; для двух и трех индейцы из народа каинганг используют собственные числительные, а для остальных чисел – заимствования из португальского. Возможно, подобная относительная система количественных слов является первым шагом к системе исчисления (не зря Бернард Комри поместил ее в самое начало своей классификации систем исчисления в языках мира¹²).

Обратим внимание на то, что в результате языковых контактов и торговых отношений числительные часто заимствуются: такова ситуация с двойной системой количественных числительных в корейском и японском языках (параллельно используются исконные числительные и числительные китайского происхождения) или, например, заимствованиями в малых языках (в юкагирский из русского попали слова *сто* и *тысяча*, а в южноамериканский язык оро-вин [Oro Win] из португальского – номиналы бразильских купюр). Ограниченный характер подобных контактов у пираха объясняется их удаленностью от «цивилизации», интроспективным характером их культуры, их замкнутостью на себе (хотя они контактируют с другими индейцами и этнической группой кабокло, в ограниченных масштабах пользуясь пиджинизированным ньенгату¹³) и предубеждением к чужакам (вспомним дихотомию «прямоголовые» vs. «кривоголовые»). Впрочем, эта уда-

¹⁰ Примеры из систем исчисления языков мира взяты с сайта Юджина С. Л. Чаня: Chan E. S. L. Numeral Systems of the World's Languages. URL: <http://lingweb.eva.mpg.de/numeral/>

¹¹ Подобная система, если бы она соответствовала действительности, совпала бы с той, что обнаруживается в ряде языков Амазонии, например, в языке-изоляте машакали (*Maxakalí*): *p-xet* 'один', *tikoxyuk* 'два', *xohix* 'все'.

¹² Comrie B. Typology of numeral systems. URL: https://mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/TypNumCuhk_11ho.pdf

¹³ Ньенгату (*Nheengatu, Nhangatu*), или амазонский лингва-жерал (порт. *língua geral da Amazônia*), – язык семьи тупи, служащий средством межплеменного общения (лингва-франка) в бассейне Амазонки.

ленность от цивилизации оказалась весьма относительной: в настоящее время¹⁴ на территории народа пираха действует школа, в которой детей обучают португальскому и математике по программе бразильского министерства образования. По-видимому, в дальнейшем система числительных пираха пойдет по тому же пути заимствования, что и во многих других малых языках.

Что касается отсутствия грамматической категории числа, здесь пираха не является единственным в своем роде языком: такой грамматической категории нет, например, в ряде сино-тибетских языков (в том числе китайском), в языках Новой Гвинеи и Австралии¹⁵.

Цветобозначения и семантические универсалии

В своих первых работах о пираха, в том числе в уже упоминавшемся обзоре 1986 г., Д. Эверетт писал о существовании цветобозначений. Позднее, в статье 2005 г. «Культурные ограничения...» [Everett, 2005], он пришел к выводу о том, что на самом деле в пираха их нет, за исключением понятий «светлый» и «темный». То, что он (а до него Стивен Шелдон¹⁶, также служивший миссионером среди индейцев) описывал ранее как цветобозначения, было, скорее, описательными словосочетаниями. К примеру, *a³hoa³saa³ga¹* ‘зеленый’ буквально переводится как «незрелый временно», а *bi³i¹sai³* ‘красный’ – как «крови подобие» или даже «кровеподобие» (*-sai* – суффикс-номинализатор)¹⁷. Соответственно, вместо обозначений цвета индейцы пираха используют сравнения (как в в свободных, так и в устойчивых сочетаниях, например, по описанию Эверетта, фонарик в его руках называли «подобный молнии»).

При этом нельзя сказать, что подобная неразвитость системы цветобозначений уникальна (а именно это Эверетт утверждал в «Культурных ограничениях»). Согласно А. Вежбицкой, в языке вальбири (Австралия) нет ни цветобозначений, ни слова *цвет*. Те слова, которые в вальбири принимают за цветобозначения, на самом деле являются уподоблением какому-либо прототипическому референту – реальному объекту – по определенному признаку: *yalyu-yalyu* ‘кровь-кровь’, *karntawarra-karntawarra* ‘охра-охра’, *yukuri-yukuri* ‘трава-трава’ [Wierzbicka, 2008, p. 410].

Здесь мы сталкиваемся с тем, что, хотя наличие в языке цветобозначений, по-видимому, не является языковой универсалией, сам факт семантических переносов и сравнений («трава-трава», «кровеподобие» и т. д.) указывает на то, что в этих языках существуют регулярная многозначность, метафоры и метонимии. Регулярная многозначность характерна для лексики (см., например, [Апресян, 1995]) – более того, ее можно отнести к языковым универсалиям [Кошелев, 2011]. Многозначность не мешает точному пониманию: контекстом обуславливается то, в каком из значений употреблено слово [Шмелев, 1977, с. 85]. Убедительной представляется гипотеза, объясняющая всеобщий характер многозначности тем,

¹⁴ См. документальный телефильм «Грамматика счастья», снятый в 2012 г. для канала «Smithsonian Channel». URL: <http://www.smithsonianchannel.com/shows/the-grammar-of-happiness/0/141519>

¹⁵ Haspelmath M. Occurrence of nominal plurality // The World Atlas of Language Structures Online. URL: <http://wals.info/chapter/34>

¹⁶ С. Шелдон записывал цветобозначения пираха для обзора, создававшегося коллективом авторов под руководством Брента Берлина и Пола Кея с конца 70-х гг. XX в. по 2009 г. [Kay et al., 2009]. Обзор основан на знаменитой монографии Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969].

¹⁷ В транскрипции Шелдона выделяется не два, а три тона – высокий (цифра 1 над строчкой), средний (2) и низкий (3). В транскрипции Эверетта данные выражения могут быть записаны как *ahoas aaga* и *biisai*.

что в процессе когнитивного развития ребенка «совокупность базовых концептов отражает **концептуальное представление** окружающего мира», и в этом представлении элементарными единицами выступают «**целостные поименованные концепты** и их референты: реальные предметы, живые существа, качества и действия» (выделено автором. – П. Д.) [Кошелев, 2011, с. 730]. В возрасте около двух лет у ребенка скачкообразно начинает формироваться смысловое представление мира: он начинает делить прежде целостные базовые концепты на отдельные, гораздо более мелкие части, а также манипулировать ими, по мере необходимости разделяя их или объединяя (как друг с другом, так и с целостными концептами) [Там же]. Дифференциация проявляется не только в языке, но и в поведении – в частности, в стремлении разделить физический объект (игрушку, цветок, лист дерева и т. д.) на составные части, которое начинает проявляться примерно в этом же возрасте [Там же, с. 732].

Следствием этого является наличие в языке экзоцентрических композитов и фразеологических единиц, для которых характерна идиоматичность, т. е. переинтерпретация, определенная степень непрозрачности и усложнение способа указания на денотат – см., например, [Баранов, Добровольский, 2008; 2013]. Впрочем, провести грань между словом и фразеологизмом не всегда легко, ср. кит. *дюсань-ласы* ‘забычивость’ (букв.: «забыть три, потерять четыре») и самоназвание пираха *hiaitihí* (букв.: «он/она¹⁸ есть прямой/прямая»).

К следствиям из регулярной многозначности мы можем отнести и энантиосемию – наличие у слова двух противоположных значений, как в пираха *xibiipio* ‘появляться; исчезать’. Д. Эверетт объясняет этот пример энантиосемии принципом непосредственности восприятия: этим глаголом объясняется любое изменение в поле зрения говорящего (с точки зрения предикатной логики – квантор существования и его отрицание). Интересно, что подобную энантиосемию и, возможно, отражение эвереттовского принципа мы вполне можем увидеть в некоторых индоевропейских языках: так, в ирландском (гойдельская ветвь кельтской группы) совпадают «всегда» и «никогда» (квантор всеобщности и его отрицание), причем «всегда/никогда» разделено во времени: *riamh* ‘всегда/никогда в прошлом’ и *go deo* ‘всегда/никогда в будущем’).

Грамматические особенности: уникальное, распространенное и универсальное

Как мы писали выше, Д. Эверетт пришел к выводу о том, что в пираха нет рекурсии. Выражается это, прежде всего, в том, что говорящие на этом языке не могут строить предложения наподобие *Принеси мне гвозди, которые привез Дэн или Дом друга охотника*. Вместо этого они строят цепочки простых предложений:

Принеси гвозди. Дэн привез гвозди. Это те же самые.

У охотника есть друг. Это его дом.

В своих ранних работах, таких как обзор 1986 г., Эверетт склонялся к тому, что пираха в некоторой степени допускает рекурсию, но при этом вместо придаточного предложения употребляется номинализация, ср.: *ti xog-i-bai gixai kahaí kai-sai* ‘я очень хочу, чтобы ты сделал мне стрелу’ (букв.: «я хотеть-это-очень ты стрела-делание»). Кроме того, он выделял суффикс *sai*, с помощью которого создаются придаточные условия: *pi-boi-hiab-i-sai ti ahá-p-i-i* ‘если не будет дождя,

---

¹⁸ Любопытный факт: если, например, в английском языке обнаруживается скрытая категория рода, проявляющаяся в наличии местоимений *he*, *she* и *it* при отсутствии каких-либо грамматических различий, то в пираха можно говорить о наличии скрытой категории именных классов. В системе местоимений третьего лица есть обозначения людей, наземных животных (зверей и птиц), водных животных (рыб) и неодушевленных предметов.

я пойду' (букв.: «вода-приходить-нет-если я иди-[несовершенный вид]-[завершение]-[уверенность]») [Everett, 1986, p. 239]. В 2005 г. Эверетт пришел к выводу о существовании лишь одного суффикса-номинализатора *sai*. Позднее, полемизируя с оппонентами, указывавшими на его прежние наблюдения, он писал о том, что прежде не так хорошо знал язык пираха. Что касается суффикса *-sai*, то, по Эверетту (с 2009 г. и далее), с его помощью обозначается уже известная информация (*old information*) [Everett, 2009].

Интересно, что, подвергая сомнению универсальный характер рекурсии, Эверетт фактически доказывает универсальный характер актуального членения предложения. В самом деле, практически нет языка, в котором не было бы членения на тему (уже известное), рему (новое) и элементы перехода. В пираха тема маркируется морфологически. Кроме того, как и во многих других языках (в том числе, романских – испанском и французском), в пираха субъект и объект дублируются местоимениями, ср.: *Hoagaxóai hi páxai kaopápi-sai-xáagahá* 'Хоага'оаи поймал рыбу па'аи (у меня на глазах)' (гlossу можно представить как «Хоага'оаи PP.3SG па'аи ловить-NOM/TOPIC-EVID»¹⁹) или уже упомянутый пример *ti xog-i-bai gíxai kahai kai-sai*. В 2010 г. к теме рекурсии в пираха обратился У. Зауэрланд. На основе экспериментальных данных (чтение предложений исследователем, не говорящим на пираха, и исправление ошибок информантами – носителями языка) он пришел к выводам о наличии в пираха двух разных суффиксов – номинализатора *sai* и кондиционалиса *sai* (т. е. подтвердил точку зрения раннего Эверетта) [Sauerland, 2013].

Если вывод Эверетта об отсутствии рекурсии все-таки верен, то язык пираха нельзя считать единственным в своем роде. Нечто подобное было обнаружено группой исследователей из США и Израиля, изучавших жестовый язык, самостоятельно возникший в общине с большим числом глухих и слабослышащих в первой половине XX в. и развивающийся по сей день (см., например, [Sandler et al., 2011]). Этот язык, известный как ABSL (*Al-Sayyid Bedouin Sign Language* 'жестовый язык бедуинов из клана ас-Саййид') характеризуется постепенной эволюцией грамматики. Исследователи успели застать в живых первых носителей этого языка, зафиксировали четыре возрастные страты, отличающиеся друг от друга последовательным усложнением морфологии и синтаксиса. На ранних стадиях развития у них обнаруживается тенденция к использованию цепочек клауз, состоящих из имени (это имя может играть роль агенса, пациенса, экспериенцера и пр., но формально остается субъектом) и глагола, ср.: ЖЕНЩИНА СИДЕТЬ; ДЕВОЧКА КОРМИТЬ 'девочка кормит женщину', ДЕВОЧКА СТОЯТЬ; МУЖЧИНА МЯЧ БРОСАТЬ; ДЕВОЧКА ЛОВИТЬ 'мужчина бросает мяч девочке'. В речи более молодых носителей уже появляется разделение на субъект и объект. Отдельные жестовые и мимические единицы приобретают грамматическое значение, например, в предложении СОБАКА МАЛЕНЬКИЙ INDEX_i²⁰ («она») Я НАХОДИТЬ ПРОШЛЫЙ НЕДЕЛЯ INDEX_k («там») // УБЕЖАТЬ 'маленькая собака, которую я нашла на прошлой неделе, убежала', помимо жестов, употреблены дополнительные маркеры: наклон головы (маркировка темы, обозначенная в данном примере двойной косой чертой), движения бровей ('продолжительность действия') и глаз (прищуривание 'сообщение фактической информа-

¹⁹ Здесь NOM/TOPIC указывает на спорный статус суффикса *sai* (номинализатор или топикализатор), PP.3SG – личное местоимение 3-го лица единственного числа, EVID – эвиденциальность (см. ниже).

²⁰ INDEX – здесь: жест с применением указательного пальца (говорящий на ЖЯ показывает на что-либо реальное или воображаемое пальцем), индексы *i*, *k* указывают на положение руки: справа, слева.

ции'). Фактически, они приобретают характеристики служебных слов и морфем в звуковых языках.

Постепенное усложнение ABSL проходило в четыре этапа, – фактически, с каждым новым поколением:

- 1) простые конструкции, выполняемые с помощью рук;
- 2) выделение субъекта и объекта, маркеры темы и ремы (движения головы);
- 3) сложные предложения, выражение иллокутивной силы (мимика, аналоги просодии – положение рук и тела, повторение жеста), вводные слова, вставные конструкции, аналог логического ударения, появление новых грамматических показателей (движения головы, мимика);
- 4) вложенные предложения и вставки внутри них, противопоставление двух референтов, появление новых грамматических показателей (движения и положение тела, ведущая рука vs. ведомая рука).

Вполне возможно, что подобное усложнение происходило и со «звучащими» языками, и тогда пираха оказывается просто «застывшим» на стадии, соответствующей второму этапу ABSL.

Если же верны выводы Зауэрланда и раннего Эверетта, то возникает вопрос: почему тогда пираха чаще пользуются простыми предложениями? Здесь надо отметить, что во многих языках, в том числе и в русском, сложноподчиненные предложения стилистически маркированы: в устной речи придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты встречаются не так часто, как в письменной, а в разговорном стиле – не так часто, как в книжных. Подобную маркированность мы встречаем, в частности, в бретонском языке, где под влиянием богослужебной латыни и грамматики Присциана сформировался особый стиль, так называемый *brezhoneg beleg* 'поповский бретонский'. Его особенностью является появление придаточных определительных предложений с союзом *pehini* 'каковой, который', являющимся калькой с лат. *qui*. В устной речи такие придаточные не использовались, а сам этот стиль часто становился предметом насмешек простого народа и национальной интеллигенции [Muradova, 2012]. Такую же маркированность мы видим в разговорном ирландском языке. Здесь одновременность действий выражается не с помощью придаточных времени, начинающихся с *nuair a* 'когда', а с помощью длинных сложносочиненных предложений, – фактически, цепочек клауз, ср.: *Tráthnóna Dé Satharainn, 's mé 'stigh i dtigh óil, / Sa chúinne go seascair is piúnt os mo chómhair* 'Когда я суббота́тним вечером тихо сидел в углу пивной с пинтой пива' (букв.: «вечер субботы, и я внутри в доме питья, / В углу тихо, и пинта напротив меня»; из народной песни *Na Tailliúirí* 'портные').

Наконец, следует остановиться на ряде грамматических явлений, общих для пираха и многих других языков. В гл. 12 Эверетт достаточно подробно описывает грамматику. Это агглютинирующий язык, в котором у аффиксов (в данном случае, как и во многих агглютинирующих языках, например тюркских и финно-угорских, у суффиксов) есть только одно значение. Суффиксы прикрепляются преимущественно к глагольным основам (ср., однако, притяжательный суффикс *-raí* 'мой', добавляемый к существительным). В грамматике пираха есть категория эвиденциальности – явное указание на источник сведений говорящего об истинности высказывания («я знаю, потому что видел», «я знаю, потому что слышал», «я предполагаю»). Хотя ее нельзя отнести к языковым универсалиям, она широко распространена во многих языках (см., например, [Макарцев, 2014; Aikhenvald, 2004]), в частности – в тюркских, некоторых финно-угорских (эстонский), северокавказских (лезгинский) и ряде языков Южной Америки. Пример эвиденциальности: тат. *бардың* 'ты ходил', *ул бер атнага кунакка килде* 'он(а) на неделю в гости приходил(а)' (прямая информация) vs. *баргаң, ул бер атнага кунакка килгән* (то же значение, косвенная информация).

В сущности, между точкой зрения генеративистов и мнением Эверетта о языке как инструменте культуры нет фундаментальных противоречий: коль скоро человеческие общества имеют определенное сходство, то известное сходство может быть и у их, сколь угодно далеких, культур, а значит, какие-то общие черты можно найти и в языках.

Даже если идеи Эверетта не вполне точны, нет никакого сомнения в том, что они заслуживают самого пристального внимания и непредвзятого анализа. На попытки немедленно отвергнуть концепцию Эверетта можно ответить словами крупнейшего философа и историка науки К. Поппера: «Мы хотим большего, чем просто истины. Мы ищем интересную истину, которую нелегко получить. <...> ...Негативисты (такие как я) несомненно предпочтут попытку решить интересную проблему с помощью смелого предположения, даже если вскоре обнаружится его ложность, перечислению истинных, но неинтересных утверждений» [Поппер, 1983, с. 347–348].

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Основы фразеологии. М., 2013.
- Винокур Г. О.* О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959.
- Гердер И. Г.* Идеи и философия истории человечества. М., 1977.
- Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6.
- Ковшова М. Л.* Вместо предисловия...: Составила М. Л. Ковшова на основе опубликованных трудов В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 50. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Макс-Пресс, 2014.
- Кошелев А. Д.* Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 695–735.
- Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избр. работы. М.: Прогресс, 1983.
- Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1993.
- Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Хроленко А. Т.* Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.
- Эверетт Д.* Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Изд. дом «ЯСК», 2016.
- Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1969.
- Everett D. L.* Pirahã / Ed. by D. C. Derbyshire, G. K. Pullum. Handbook of Amazonian Languages 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. P. 200–325.
- Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // Current Anthropology. 2005. Vol. 46. P. 621–646.

Everett D. Pirahã Culture and Grammar: A response to some criticism // *Language*. 2009. Vol. 85, No. 2. P. 405–442.

Everett D. L. *Language: The Cultural Tool*. N. Y.: Pantheon Books, 2012.

Frank M. J., Everett D. L., Fedorenko E., Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 819–824.

Hauser M. D., Yang C., Berwick R. C., Tattersall I., Ryan M. J., Watumull J., Chomsky N., Lewonti R. C. The mystery of language evolution // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5, art. 401. P. 2.

Humboldt H. W. von. *Wilhelm von Humboldts Werke: 17 Bände / Hrsg. von A. Leitzmann*. Berlin: B. Behr, 1903–1936. Bd 4, 1905.

Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W. R., Cook R. *The World Color Survey*. Stanford: CSLI, 2009.

Muradova A. The breton verb *endevoud* and the french *avoir*: The influence of descriptive grammars on modern Breton verbal system // *Studia Celto-Slavica*. Vol. 6. Łódź: Univ. Press Lodz, 2012. P. 65–74.

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumentation: A reply to Everett // *Language*. 2009. Vol. 85, No. 2.

Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M. The emergence of complexity in prosody and syntax // *Lingua*. 2011. Vol. 121, No. 13. P. 2014–2033.

Sauerland U. Experimental evidence for complex syntax in Pirahã // *Recursion in Brazilian Languages and Beyond*, 2013. URL: <http://www.letras.ufrj.br/poslinguistica/recursion/papers/7-uli-sauerland.pdf>

Wierzbicka A. Why there are no ‘colour universals’ in language and thought // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. Vol. 14. P. 407–425.

Список использованных языков

Англ. – английский; **бретон.** – бретонский; **диал.** – диалектный; **исп.** – испанский; **кит.** – китайский; **лат.** – латинский; **нем.** – немецкий; **порт.** – португальский; **рус.** – русский; **серб.** – сербский; **тат.** – татарский; **хорват.** – хорватский.

P. S. Dronov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation, nord.dronov@gmail.com*

The argument between Daniel Everett and Generativists, or How Irreconcilable Their Views Really Are

The article deals with the argument between Daniel Everett, the author of case studies of Pirahã, with generative linguists regarding the universality of certain phenomena in language, such as recursion, as well as cultural constraints that may be imposed on grammar. Also, the paper covers Everett’s views on the subject as well as those of his opponents and contemporary scholars dealing with Pirahã. Moreover, Everett’s position as expressed in his articles and books («Don’t Sleep There Are Snakes»; «Language: The Cultural Tool») is compared to the ideas of ethnolinguistics and the Russian school of language and culture studies in phraseology (formulaic lexicon). The author provides parallels between grammar and lexical semantics of Pirahã and other languages, arguing that there may be little or no fundamental irreconcilability between Everett and generativists: since there is some similarity between various human communities, likeness may be found between their cultures, however different they are. Therefore, certain similarities

are to be found in their languages, too. The article is an expanded version of the afterword to the forthcoming Russian translation of Daniel Everett's «Don't Sleep There Are Snakes».

Keywords: generative linguistics, Daniel Everett and Pirahã studies, ethnolinguistics, language and culture studies, lexical semantics, phraseology (formulaic lexicon).

DOI 10.17223/18137083/57/12

References

- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2004.
- Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1995.
- Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow, Znak, 2008.
- Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. *Osnovy frazeologii* [Principles of Phraseology]. Moscow, 2013.
- Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley; Los Angeles, Univ. of California Press, 1969.
- Dobrovol'skiy D. O. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii (I) [National and cultural specificity in phraseology]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of linguistics]. 1997, no. 6.
- Everett D. L. *Pirahã*. D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds). *Handbook of Amazonian Languages* 1. Berlin, Mouton de Gruyter, 1986, pp. 200–325.
- Everett D. L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology*. 2005, vol. 46, pp. 621–646.
- Everett D. Pirahã Culture and Grammar: A response to some criticism. *Language*. 2009, vol. 85, no. 2, pp. 405–442.
- Everett D. L. *Language: The Cultural Tool*. N. Y., Pantheon Books, 2012.
- Everett D. L. *Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*. New York, Pantheon Books, 2008. (Jeverett D. (russ. ed.). Ne spi – krugom zmei! Byt I jazyk amazonskih dzhunglej. Moscow, Izdatel'skij dom "JaSK", 2016).
- Frank M. J., Everett D. L., Fedorenko E., Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition. *Cognition*. 2008, vol. 108, pp. 819–824.
- Gerder I. G. *Idei i filosofiya istorii chelovechestva* [The Ideas and Philosophy of Humanity's History]. Moscow, 1977.
- Khrolenko A. T. *Osnovy lingvokul'turologii* [Principles of Linguocultural Studies]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009.
- Kovshova M. L. Vmesto predisloviya...: Sostavila M. L. Kovshova na osnove opublikovannykh trudov V. N. Teliya [Instead of an introduction. Compiled by M. L. Kovshova on the basis of V. N. Teliya's publications]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. st.* [Language, Consciousness, Communication: Selected Papers]. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov (eds). Moscow. Maksi-Press, 2014, iss. 50, p. 14.
- Koshelev A. D. Pochemu polisemiya yavlyaetsya yazykovoy universaliej? (Kognitivnaya priroda i yazykovaya funktsiya mnogoznachnykh slov) [Why is polysemy a linguistic universal? The cognitive nature and linguistic function of polysemantic words]. *Slovo i yazyk: Sb. st. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresyana* [Word and Language. The Academician Ju. D. Apresjan Festschrift]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011, pp. 695–735.
- Makartsev M. M. *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the Space of the Balkan Discourse]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2014.
- Hauser M.D., Yang C., Berwick R. C., Tattersall I., Ryan M. J., Watumull J., Chomsky N., Lewonti R. C. The mystery of language evolution. *Frontiers in Psychology*. 2014, vol. 5, art. 401, p. 2.
- Humboldt H.W. von. *Wilhelm von Humboldts Werke*. 17 Bände. A. Leitzmann (Hrsg.). Berlin, B. Behr, 1903–1936.
- Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W.R., Cook R. *The World Color Survey*. Stanford, CSLI, 2009.
- Muradova A. The Breton Verb *endevoud* and the French *avoir*: The Influence of Descriptive grammars on Modern Breton Verbal System. *Studia Celto-Slavica*. Łódź, 2012, vol. 6, pp. 65–74.
- Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumentation: A reply to Everett. *Language*. 2009, vol. 85, no. 2

- Popper K. *The Logic of Scientific Discovery*. London, 1959. (Popper K. (russ. ed.). *Logika i rost nauchnogo znanija. Izbrannye raboty*. Moscow, Progress, 1983).
- Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M. *The emergence of complexity in prosody and syntax*. *Lingua*, 2011, vol. 121, no. 13, pp. 2014–2033.
- Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt Brace, 1921 (Russ. ed.: Sepir Je. *Jazyk. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. Perevody s anglijskogo pod redakciej i s predisloviem doktora filologicheskikh nauk prof. A. E. Kibrika*. Moscow. Izdatel'skaja gruppa "Progress", "Univers", 1993).
- Sauerland U. Experimental evidence for complex syntax in Pirahã. *Recursion in Brazilian Languages and Beyond*, 2013. URL: <http://www.letras.ufjf.br/poslinguistica/recursion/papers/7-uli-sauerland.pdf>
- Shmelev D. N. *Sovremenny russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian: The Vocabulary]. Moscow, Prosveshhenie, 1977.
- Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvo-kul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996.
- Wierzbicka A. Why there are no 'colour universals' in language and thought. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2008, vol. 14, pp. 407–425.